

## **В Новый Год к нам в деревню ворвался норд-вест**

В Новый Год к нам в деревню  
ворвался норд-вест.  
Удлиняя дороги,  
следы заметая,  
покрутился позёмкой  
и кинулся в лес.  
Там со свистом гоняет  
с ветвей птичьей стаи.

На себя я тогда  
был совсем непохож.  
Лихорадило, ждал  
и боялся чего-то,  
что изменит мне жизнь.  
Была крупная дрожь  
очень больно. В душе  
отзывалась ломотой.

Не хватало тепла,  
не хватало людей.  
Видно, к холоду при -  
говорён ещё с детства.  
Жизнь назад в Ленинграде  
продрог до костей  
и с тех пор всё никак  
не могу отогреться.

Я смотрел, как вокруг  
тишь да снежная гладь  
землю кутали бережно  
в белые гюки.  
Обнимая за плечи,  
пытался унять  
колотун, успокоиться,  
взять себя в руки.

Просветление не  
наступало. Лишь лес  
тряс во тьме свои космы,  
и на километры  
вербный иней, замёрзшие  
хляби небес,  
чёрно-белый пейзаж,  
перетянутый ветром.

Сучий холод, стекая  
по голым ветвям,  
застывал хрупким кружевом  
льдинок и сучьев.  
С длинным выводком звёзд  
месяц плыл по холмам,  
чуть поодаль тянулись  
за месяцем тучи.

И единственный след  
человека - лыжня  
была еле видна.  
От промёрзшего снега,  
сколько глаз мой хватал,  
тусклый свет без огня.  
Сокровенная тишь,  
нисходящая с неба.

Но не тем, чем казался,  
был этот пейзаж.  
В нём творилось неладное,  
самая малость.  
Заоконье дрожало,  
как зыбкий мираж.  
Или, может, стекло  
надо мной издевалось?

Отраженье кренилось.  
Повёрнутый вбок,  
взгляд в стекле становился  
циничным и алчным.  
А потом вдруг улыбка,  
уютный зевок,  
и смеётся лицо.  
Но при этом я знал, что

всё вернётся на белые  
    глинки своя.  
Снежный лес, обжигающий  
    холод в гортани,  
    неподвижные тени  
    из небытия  
у меня за кухонным  
столом. Их молчанье.